

УДК 160.1

DOI 10.17223/1998863X/30/21

Ю.Ю. Черноскутов

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПРЕДМЕТА ЛОГИКИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX ВЕКА*

Предлагается взгляд на историю формальной логики в Европе XIX века как на три автономных традиции: германскую, британскую и австрийскую. В первой логика понималась как наука о форме мышления, отвлекающаяся от всякого содержания; во второй – как теория рассуждения, сосредоточенная на анализе формы языковых выражений; в третьей – как общая теория науки и учение о форме предметов вообще. Описываются основные вехи истории и общие характеристики каждой из традиций.

Ключевые слова: формальная логика, Кант, Уэтли, Больцано, мышление, язык, предмет.

Введение

Развитие логики в Европе в XIX веке редко рассматривается как нечто интересное само по себе. Преобладавшие тогда способы изложения и понимания логики часто объединяют под именем «традиционной логики», оттеняя тем самым её отсталость и несовершенство по сравнению с «современной логикой». Господствующий взгляд на историю логики позапрошлого столетия сводится к тому, что в этот период шло медленное становление математической, или символической, логики, которое происходило в борьбе с индуктивизмом, психологизмом и прочими «-измами», которые были благополучно побеждены. Благодаря этой победе мы и смогли прийти к той логике, которая сегодня вполне заслуженно доминирует. Тем не менее современная логика возникла не на пустом месте, она унаследовала многие предпосылки, сформировавшиеся в рамках традиционной логики. Вместе с тем эти предпосылки ни тогда, ни сейчас не отличались однородностью и не принимались единодушно. На наш взгляд, в логике XIX века можно выделить три достаточно автономные традиции. Каждая из них внесла свой вклад в фундамент современной логики. Более того, некоторые коллизии, связанные с появлением современной логики, могут оказаться более понятными и объяснимыми, если их рассмотреть в свете различий, характерных для этих традиций. Предлагаемая вниманию читателя статья состоит из трёх глав, каждая из которых кратко характеризует одну из этих традиций: германскую, британскую и австрийскую.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант №14-03-00650а.

1. Логика и философия в Германии

1.1. И. Кант о формальном и формальной логике

Развитие логики в Германии в XIX веке находилось под безоговорочным и неоспоримым влиянием философии Иммануила Канта (1724–1804). В «Критике чистого разума» (1781) он исследовал границы и возможности познания. Место, отведённое общей логике в структуре познания, стало отправной точкой логико-философских исследований.

При описании всех познавательных способностей Кант жёстко разделяет две стороны: форму и содержание. Выделяя два уровня, или «ствола», познания, а именно чувственность и рассудок, он в каждом из них различает эти две составляющие. При этом только чувственность имеет «контакт» с внешним миром, являясь единственным источником содержания знания. Рассудок имеет дело с тем же содержанием, но уже обработанным и упорядоченным чувственностью. Рассудок оперирует с *понятиями*, которые являются более высоким уровнем познания в сравнении с чувственными *наглядным представлением*. Собственно, именно Кант тематизировал для логики и эпистемологии категорию понятия. В предшествующей философии было в ходу ‘представление’ [Vorstellung], или, как это преимущественно именовалось в британской философии, ‘идея’ – термин с гораздо более широким смыслом, охватывавшим и ощущение, и восприятие, и продукты абстрактного мышления. Например, для Лейбница различие между такими видами представлений, как понятие и ощущение, состояло только в степени отчетливости. Кант же чётко разделяет два вида представления [Vorstellung] – наглядное представление [Anschauung] и понятие [Begriff], проводя резкую границу между ними. Первое относится к чувственности, второе □ к рассудку, которые являются несводимыми друг к другу познавательными способностями.

Словами самого Канта, «логика – наука о рассудке вообще» [1, A52 (B67)]. Впрочем, здесь требуются некоторые уточнения. В «Критике чистого разума» он разделяет общее и частное применение рассудка и, соответственно, общую логику и частные логики. Общая логика отличается тем, что отвлекается от всякого содержания знания, от любого возможного различия в предметах. Под частными логиками он имел в виду то, что сегодня называли бы методологией той или иной науки. Именно это понимание природы общей логики и предопределило широко известное пренебрежение Канта её познавательными возможностями. Ведь если она не имеет дела ни с каким определенным предметом, то она ничего не говорит о мире, становясь своего рода знанием ни о чём, но о формах всего. Общая логика, в свою очередь, подразделяется на чистую и прикладную. В рамках чистой логики исследуются только априорные принципы рассудка. В прикладной же логике, которая также отвлекается от всякого содержания, рассматривается применение рассудка с учётом психологических условий, в которых он действует. В рамках последней исследуются источники предрассудков и заблуждений, зависимость применения рассудка от особенностей того или иного субъекта, таких как память, внимание, привычка, сомнение и уверенность и т.д. и т.п.

Кантовское понятие общей чистой логики составило основание того, что впоследствии стало именоваться «формальной логикой». У самого Канта нет

разновидности логики с таким названием, но он характеризует как формальное всякое рассмотрение, которое не принимает во внимание какого-либо содержания, абстрагируется от предмета. Формально можно рассматривать как чувственность, так и мышление, но ни то, ни другое не даст знания о вещах. Таким образом, для Канта «формальное» представляет собой в первую очередь отрицательную характеристику: формально то, что бессодержательно, беспредметно.

Наряду с общей Кант выделяет трансцендентальную логику, в которой принимаются во внимание источники познания и познаваемая реальность. Как раз последняя представляет для него больший интерес и привлекает основное внимание; её он рассматривает как более высокий уровень логики, который в состоянии пролить свет на тайну человеческого мышления. Но что касается общей чистой логики, она остаётся на самом низком и самом простом уровне описания познания, не выходя за границы предписанных ей априорных форм: «Общая чистая логика имеет дело исключительно с априорными принципами» [1, В77]. Поэтому общая логика именно в силу того, что она отвлекается от содержания, может служить лишь отрицательным критерием истины. Как выражается Кант, она может быть каноном для оценки знания, но не органом для его расширения.

Переходя к дедукции априорных форм рассудка, которые также называются категориями, Кант предлагает нам известный набор из двенадцати категорий, которые полностью исчерпывают сферу логики. Каждая из этих категорий выполняет определенную функцию единства суждения, тем самым давая субъекту возможность совершать то или иное суждение. Причем эти функции единства самостоятельны в том смысле, что они не сводимы друг к другу. Здесь для нас существенны два следствия, которые наиболее отчетливо сформулированы уже не в «Критике чистого разума», а в «Логике». Во-первых, поскольку категорические, гипотетические и дизъюнктивные суждения «основываются на существенно различных функциях рассудка» [2, 503], они не могут преобразовываться друг в друга: «невозможно гипотетическое суждение превратить в категорическое – они совершенно различны по своей природе» [2, 505]. Во-вторых, Кант отвергает, что применение комбинаторно-алгебраических методов может иметь какую бы то ни было пользу для логики: последняя «не есть алгебра, с помощью которой можно было бы открывать какие-либо скрытые истины» [2, 434], более того, по его убеждению, мы не нуждаемся в каких-либо изобретениях для логики именно по той причине, что та содержит только форму мышления.

Согласно Канту, истины общей чистой логики

- априорны, поскольку они находятся в душе до всякого возможного опыта;

- аналитичны, ибо они позволяют не более чем разложение уже имеющегося содержания понятий, не выходящее за их границы;

- не принимают во внимание какого-либо предмета знания, они беспредметны.

- являются частью теории познания. Действительно, в Германии логика стала рассматриваться как область знания, теснейшим образом связанная с гносеологией, более того, как правило, она рассматривалась как часть последней.

1.2. Якоб Фридрих Фриз и антропологическая логика

После Канта обозначились два пути дальнейшего развития логики. Первый был связан с развитием трансцендентальной логики, где она, в руках представителей классического немецкого идеализма, фактически смыкалась с метафизикой. Второй привёл к появлению логики как самостоятельной науки. Именно последний представляет для нас интерес. Среди многочисленных пособий и исследований, изданных в первые два десятилетия после смерти Канта, наибольшее влияние на рассматриваемый нами процесс оказали два автора – Я.Ф. Фриз и И.Ф. Гербарт.

Я.Ф. Фриза (1773–1843) часто характеризуют как основателя психологизма в логике и философии. Хотя в этом есть некоторый анахронизм, поскольку в то время антитеза психологизм – антипсихологизм не была актуальна, эту оценку в целом можно признать справедливой. К ней только стоит добавить, что острое его «психологизма» было направлено в первую очередь против спекулятивного идеализма и, не считая сформировавшейся несколько позднее школы Гербарта, было единственной альтернативой этому идеализму в деле формирования научной методологии.

Фриз начинает с наблюдения, что выражение Канта «чистая логика» может пониматься двояко: как антропологическое либо как философское учение о законах мышления. Философская, которую он также называет демонстративной, занимается теорией доказательства. Она основана на принципах *de omni et de nullo*, тождества и противоречия. Основной же вопрос антропологической логики – «как в процессе деятельности человеческого духа возникают понятия и мышление» [3. С.3]. Фриз полагает, что тезис Канта относительно завершенности логики уже у Аристотеля касается только первой, а вот во второй ещё могут делаться открытия. В соответствии с этим первая часть его труда, посвященная чистой общей логике – «учение о формах мышления», – состоит из двух разделов – антропологической логики, которая включает в себя описание нашего познания и мышления вообще, учений о понятии и суждении. Во втором разделе, «Философская логика», повествуется о «расчленяющем познании» (*Zergliederungs-Erkenntnis*) и об умозаключении.

Вполне естественно, что оригинальность и новизну можно найти только в первом разделе «Системы логики». Второй же раздел добросовестно воспроизводит стандартный набор логического материала, характерный для немецких учебников логики после Х. Вольфа и И. Канта. Так, теория суждения обосновывается той же таблицей категорий, что и у Канта. Фриз не ставит под сомнение результаты кантовской дедукции, он только пытается подвести под неё психологическое основание, критикуя при этом Канта за то, что тот пытался строить доказательства там, где возможно только описание.

Таким образом, у Фриза психология стала тем основанием логики, каким у Вольфа была онтология, а у Канта теория познания.

1.3. Иоганн Фридрих Гербарт

Иоганном Фридрихом Гербартом (1776–1841) и его школой был сделан первый ощутимый шаг в направлении онтологической трактовки логики. Гербарт широко известен как основатель своего направления в педагогике,

в истории психологии признаются его заслуги как одного из пионеров математизации психологии, но в современной истории философии уделяемое ему внимание ничтожно мало. Это резко контрастирует с той ролью, которую играли его идеи в философском процессе своего времени. Гербарт был одним из первых влиятельных критиков немецкого идеализма, и продолжительное время школа Гербарта была практически единственной силой, которая поддерживала научный дух в философии на фоне безраздельного господства произвольных умозрительных спекуляций. Он определял философию как «обработку понятий». Соответственно, разные разделы философии ведают разными уровнями и видами такой обработки. Так, первый раздел – логика – должен привести понятия к ясности (проведению чётких границ между различными понятиями) и отчётливости (строгому различению признаков отдельного понятия). Метафизика ведаёт изменением понятий. А эстетика (которая включает этику) учитывает оценку понятий. Таким образом, понятие является основным предметом не только логики, но и философии Гербарта в целом.

Согласно Гербарту, анализ понятий в рамках логического исследования исключает всякие вопросы, связанные с их генезисом и с тем, что касается психологии познания. Логика имеет дело с понятиями как с чем-то уже готовым, наперёд заданным и не задаётся вопросом о том, откуда они берутся. Его работа «Основные моменты логики» (1808) открывается словами: «Логика занимается не чем иным, как представлениями; но не актами представления, не способами их получения и происхождения в нас, и не изменениями состояний сознания (*Gemutszustande*), которые они в нас вызывают». Логика занимается «только тем, что представляется». Это представляемое становится предметом логики, поскольку оно «уже схвачено, выделено, понято. Вот почему это называется понятием» [4. С. 467]. В работе «Учебное введение в философию» (1813) он определяет предмет логики как «мысли, характеризующие со стороны того, что с помощью их мыслится» [5. С. 77]. Как видим, Гербарт резко отделяет представление как психический акт от представляемого, мышление от мыслимого. Такое различие создает предпосылки для онтологизации предмета логики, что и объясняет гармоничность позднейшей рецепции гербартианства австрийской логико-философской традицией.

Гербарт не характеризует понятия как «объективные», как позднее делал Больцано, его описания носят негативный характер – он говорит о том, чем понятия не являются. А именно, они «не есть ни реальные предметы, ни действительные акты мышления» [5. S. 78]. Иначе говоря, понятия принадлежат некой промежуточной сфере между действительными предметами и мышлением (или актами мышления). Любое понятие «имеется как бы в единственном экземпляре»; что же касается отношения между понятиями и мышлением, то «мышление одного и того же понятия может многократно повторяться» в сознании бесчисленных разумных существ, «и при этом не будет происходить размножение понятия» [5. S. 78].

Знаменательны также соображения Гербарта о суждении и его связи с мышлением и мыслимым. Мышление – это «лишь посредник, как бы телега, которая свозит понятия в одно место». Когда понятия встречаются в мышлении, они находятся в «зависшем состоянии (*Schweb*) и сначала об-

разуют вопрос» [5. S. 91]. Отвечая на этот вопрос, мы совершаем не что иное, как суждение. Нетрудно заметить, что это объяснение природы суждения весьма близко к теориям Brentano и Frege, которые понимали под последним утверждение (у Brentano также отвергание) помысленного или представленного содержания. Только Герbart был склонен относить истинностную оценку суждения к компетенции психологии и, как следствие, призывал дистанцироваться от неё, поскольку речь идёт о логике. Он считает, что о суждении можно говорить в двух смыслах – психологическом (признание истины) и логическом (соединение субъекта и предиката). В такой трактовке суждения «в логическом смысле», занимающем промежуточное положение между действительным миром и оценивающими актами сознания, нетрудно увидеть предвосхищение «допущений» Meinong, как и «содержания, допускающего вынесение суждения» (*beurteilbare Inhalt*) Frege.

Герbartовский подход к пониманию предмета логики заметно расходился со взглядами Канта. Если логика занимается не формальной структурой познающего рассудка, но формами мыслимого как такового, то это не может не отразиться и на структуре логического знания. В частности, кантовское учение о категориях, через которые описываются фундаментальные функции рассудка, просто остаётся не у дел. Действительно, Герbart совершенно осознанно отказался делать категории основанием для логических дистинкций. Так, например, принципиальное для Канта различие категорических, гипотетических и разделительных суждений, по мнению Гербарта, «принадлежит целиком языковой форме» [4. С. 473].

Как отмечалось выше, логика, в отличие от педагогики и психологии, находилась на периферии научных интересов Гербарта, он посвятил ей лишь две небольших работы. Подробное и систематическое изложение логики в соответствии с принципами философии Гербарта осуществлено М.В. Дробишем (1802–1896) в «Новом изложении логики» (1836). Это был едва ли не лучший немецкий учебник логики, выдержавший пять изданий. Не останавливаясь на его многочисленных достоинствах, отметим некоторые важные моменты, относящиеся к философии логики. Дробиш систематизировал и развил критику фризовского антропологизма, начатую ещё Гербартом. «Совершенно ложно мнение, что можно дать психологическое (антропологическое) обоснование логики» и что этого можно добиться «разложением операций сознания и мышления, памяти и фантазии» [6, s.vii-viii]. Развивая онтологический поворот Гербарта, Дробиш впервые вводит понятие логического объекта, что сопровождается рассуждениями о несовпадении реального и мыслимого объекта. Немало оригинальных идей содержится в его теории суждений. Например, экзистенциальные суждения вместе с безличными образуют «тетические», или абсолютные, суждения, классифицируются как разновидность гипотетического. «X существует» следует понимать как «если есть нечто, то есть X» [6. С. 60–61].

1.4. Адольф Тренделенбург

Решающую роль в окончательном формировании логической дисциплины сыграл берлинский профессор А. Тренделенбург (1802–1872). Его фундаментальный труд «Логические исследования» (1840) по современным мер-

кам скорее представляет собой исследования по философии науки или по теории познания. В первой главе «Логика и метафизика как основополагающие науки» исследуется природа связи науки с логикой и метафизикой, вторая посвящена критике основных принципов формальной логики, третья – критике диалектического метода. В остальных пяти главах предпринимается попытка построить теорию научного метода на основе истолкованных в духе Аристотеля понятий движения, пространства, времени и других.

По его мнению, все науки характеризуются единством метода и в силу этого имеют отношение к логике. Таким образом, в логике Тренделенбург видит, в первую очередь, теорию научного метода. Свой идеал логики он находит в трудах древних. Приведём красноречивую цитату: «Науку, рассматривающую вместе и мышление, и сущее, называли, вслед за Платоном, диалектикой; но, во избежание приводящихся понятий (*Nebenbegriff*), назовём её лучше *логикой в широком смысле* и к такой логике направим наши “логические исследования”» [7, 11–12]. Здесь концентрированно выражена дальнейшая стратегия Тренделенбурга. Он намерен предложить программу развития логики, избегая двух крайностей: во-первых, формальной логики, которая не принимает во внимание «сущего», во-вторых, гегелевской диалектики. Многообразие философских систем он называет «немецким пред-рассудком» и «ложной оригинальностью» [7, IX], полагая при этом, что правильный путь указан в глубокой древности Платоном и Аристотелем.

Заметим, что именно Тренделенбург является автором термина «формальная логика» как обозначения соответствующего раздела логики. Кант, как мы помним, говорил об «общей чистой логике», которая характеризовалась тем, что она является лишь формальной. Фриз использовал обозначения «философская» или «демонстративная» логика, Твестен – «аналитическая» логика, а чаще просто «аналитика». Термин «формальная логика» также не использовался ни Гербартом, ни Дробишем. Выражение «формальная логика» могло встречаться между делом у разных авторов, например, его можно встретить у Твестена, но оно носило случайный характер дополнительного определения, не имея статуса собственного имени для определенного раздела логики. Только Тренделенбург обозначил то направление логических исследований, которого придерживались Гербарт и Дробиш, как «формальную логику», и только после него это обозначение стало общеупотребимым.

По мнению Тренделенбурга, формальная логика стала возможной благодаря Канту, который резко отделил форму от содержания. Это замечание вполне справедливо, но, как мы уже показали, в устах Канта определение «формальный» имеет отчётливый привкус негативной оценки. Поэтому, когда Тренделенбург именно эту характеристику делает отправной, скептическое отношение к описываемой области тем самым уже предопределено самим этим фактом. Тренделенбург основное внимание уделяет критике Гербарта, Твестена и Дробиша, по сути, продолжает анти-формалистскую аргументацию Канта, делает её развёрнутой. В частности, серьёзные претензии предъявляются к тезису о том, что понятие есть нечто готовое и заранее данное. Попытки критикуемых авторов привлечь на свою сторону авторитет Лейбница Тренделенбург парирует замечанием, что «когда Лейбниц предлагал исчисление ... он делал это не в смысле формальной логики» [7, 23].

Тренделенбург окончательно оформил принятое в Германии понимание места и роли формальной логики в системе логической науки. Что же касается логики в широком смысле, то его заслуга не в предложенных ответах, которые не нашли поддержки, но в самой постановке проблемы необходимости реформы логики. Это проблема стала предметом интенсивнейших обсуждений на протяжении последующего полувека, не приводя, однако, ни к какой реальной реформе.

2. Логика и философия в Британии

В исторической литературе процесс развития логики в Британии XIX века описывается как постепенное утверждение курса на математизацию последователями Дж. Буля в борьбе с индуктивизмом сторонников Дж.С. Милля. Не ставя под сомнение справедливость этой картины, здесь мы бы хотели обратить внимание на некоторые общие особенности британской логической традиции, оставив без внимания указанную коллизию. Действительно, взгляды сторонников обоих направлений на предмет логических исследований и природу основных понятий логики, как мы надеемся показать, отличались своеобразным единством, что позволяет объединить сторонников несовместимых научных программ в единую традицию, противостоящую континентальной.

В Британии критика схоластической логики носила, пожалуй, наиболее радикальный характер. Как следствие, в течение XVII–XVIII вв. логические исследования не вызывали заметного интереса у британских мыслителей. Хотя логика продолжала оставаться университетской дисциплиной, достаточно заметить, что после выхода краткого компендиума Генри Олдрича [8] в 1691 г., вплоть до 20-х гг. XIX в. не было написано ни одного учебника по логике. Сам по себе тот факт, что в течение едва ли не полутора столетий преподавание некоторой дисциплины осуществлялось только по одному учебнику, уникален в истории науки и образования и достаточно свидетельствует об отсутствии интереса к этой области знания.

2.1. *Ричард Уэтли: становление традиции*

Ситуация резко изменилась после публикации в 1826 г. «Элементов логики» Ричарда Уэтли (1787–1863). Уэтли был воспитанником Оксфордского университета, единственного (из двух) в Англии, где к тому времени сохранилось преподавание логики.

Автор не предлагал каких-либо технических новшеств или новаторских теорий. Более того, в содержательном разрезе он, фактически, просто пересказал упомянутый компендиум Олдрича, местами едва ли не копируя фрагменты текста. Но при этом он изложил пребывавшую в забвении и пренебрежении Аристотелеву логику живым языком, насытив текст аргументами в защиту её научной состоятельности и полезности в образовании. Кроме того, некоторые принципиальные подходы и формулировки, предложенные в этой работе Уэтли, не просто стали типичными, но образовали концептуальный базис языка логики и философии логики в Британии. По существу,

именно его «Элементы логики» положили начало британской логической традиции XIX века.

По мнению Уэтли, логика – объективная наука, подобно химии или математике, и её существо – в раскрытии принципов отдельно от их приложений. Как раз в период работы Уэтли над своей книгой в английском языке формируется понятие науки, «science» в современном смысле, и одной из основных парных оппозиций к термину «science» служило искусство, «art». Поэтому наш автор вполне в духе времени уделяет немалое внимание обоснованию того, что логика представляет собой в первую очередь науку, и лишь производным образом – искусство¹. В центре внимания логики, по мнению Уэтли, находится рассуждение, или, точнее, «анализ процесса разума в рассуждении» [9. С.29]. Тем самым главной темой, «ядром» логики он делает умозаключение, отводя теориям понятия и суждения подчинённое положение. Причина, по которой эта наука находится в пренебрежении в последние столетия, по мнению Уэтли, в том, что к ней предъявляли завышенные ожидания, и последние были вызваны в том числе и превратным пониманием места понятия и суждения в логике. Как сказали бы сегодня, к логике примешивали методологическую проблематику, нередко за счёт вытеснения собственно логических проблем. В числе этих избыточных тем он указывает стремления выработать «правила образования ясных идей» и «руководство суждением». Но это, считает Уэтли, означает требование «такой системы всеобщего знания, которая научила бы нас значениям всех слов, истинности и ложности – достоверности и недостоверности – каждого высказывания, превосходя тем самым все наши научные дисциплины» [9. С.45–46]. Обвинять логику в том, что она не обеспечивает этого, – «это всё равно, что возражать против оптики за то, что она не даёт зрение слепым, или жаловаться, что очки не помогут тому, кто не умеет читать» [9. С. 46].

Следующий принципиальнейший момент логики Уэтли состоит в той роли, которую он отводит языку. Ставя вопрос о природе элементов, из которых строится рассуждение, он категорически отвергает предположение, что рассуждающий разум оперирует идеями. Рассуждение осуществляется в языке и только в языке. Развёрнутых философских аргументов в пользу своего выбора автор не приводит, для него это имеет характер фундаментального убеждения. Он лишь утверждает, что следствием обратного было бы то, что «некоторый человек, не знающий ни одного произвольного знака, был бы способен рассуждать. Но нет никаких оснований верить, что это возможно, как и в то, что “абстрактные идеи” вообще существуют» [9. С. 48–49].

В дальнейшем он делает ещё более радикальные утверждения, отождествляя с языком и сам предмет логики. «Язык... насколько он служит средством для ... умозаключения, составляет предмет логики» [10. С. 111]. А страницей ранее он выразился ещё более категорично: «Логика имеет дело только с языком» [10. С. 110]. При этом Уэтли не предлагает никаких разъяснений относительно того, как это согласуется с приведенным ранее определением, согласно которому предметом логики служит рассуждение.

¹ Показательно, что в «Энциклопедии Метрополитана», где первоначально, в 1823 г., публиковался текст книги Уэтли, он был помещен в 1-м томе, посвященном «чистым наукам», в то время как «прикладные науки», или «искусства», освещались в только в 4-м томе.

Тезис о том, что логика имеет дело с языком, носит здесь не просто программный характер, он имеет существенные практические следствия. Когда Уэтли обсуждает, в чём состоит формальный характер логики, выясняется, что он имеет в виду не форму мышления, но *форму языкового выражения*. Если в правильном силлогизме, рассуждает автор, мы будем заменять имена определенных вещей «бессодержательными символами, обеспечивая при этом, чтобы *форма* выражения оставалась той же самой» [9. С. 58], то невозможно будет принять истинность посылок, не принимая при этом истинность заключения. Поэтому, заключает Уэтли, «сила (или доказательность) рассуждения видна из самой *формы выражения* и независимо от смысла входящих в него слов» [9. С. 59; 10. С. 73].

Эта мысль воспроизводится при описании природы силлогизма: «Так как логика занимается исключительно исследованием употребления языка², то из этого следует, что силлогизм (который является аргументом, представленным в регулярной логической форме) есть аргумент, выраженный таким образом, что его доказательность очевидна из *самой формы выражения*, т.е. без учёта значений терминов» [9. С. 105].

Эффект, произведенный выходом «Элементов», был взрывоподобен. Количество посвященных ей заметок, рецензий с трудом поддаётся подсчёту. В 1850 г. вышло уже 9-е издание «Элементов...». Книга Уэтли была подробнее проанализирована, среди прочих, Дж. Бентамом (1827), Дж. С. Миллем (1828), У. Гамильтоном (1833).

Кульминацией процесса, вызванного обсуждением этой книги, стал громкий и скандальный спор де Моргана и Гамильтона из-за приоритета в квантификации предиката. Как признавался Дж. Буль во введении к «Математическому анализу логики», именно наблюдение за этой полемикой вызвало у него интерес к проблемам логики и желание подвергнуть её математической обработке. Не только Буль, но и Де Морган ссылались на логику Уэтли как на собственно логику. Затруднительно также сказать, для скольких учёных, от Дж.Бентама до Ч. С. Пирса, логика Уэтли стала отправной точкой в их самостоятельных исследованиях. Даже оппоненты, категорически не соглашавшиеся с ключевыми тезисами Уэтли, признавали, что именно его работа вызвала возрождение логических исследований в Британии.

2.2. Уильям Гамильтон: кантианская реакция

Наиболее резкую критику новации Уэтли вызвали у Гамильтона. В своей рецензии, опубликованной в «Эдинбургском обозрении», он упоминает десять трудов по логике, опубликованных между 1826 и 1832 гг., но основное внимание уделяет «Элементам...» Уэтли. Гамильтон был последовательным кантианцем, по крайней мере, поскольку речь идёт о логике, и в целом, глубоким знатоком немецкой философии. Вместе с тем он обладал фантастической эрудицией в истории логики.

² Любопытно, что переводчик русского издания, видимо, «не веря глазам своим», вместо слов «употребление языка», написал «процессов мышления, выраженных в языке» [10. С.146]. В оригинале фраза такова: Since logic is wholly concerned *in the use of language*, it follows that a syllogism... (Выделено мной. – Ю.Ч.)

Признавая его заслуги в возрождении интереса к логике, в содержательном отношении Гамильтон подвергает разрушительной критике все его основные тезисы. Категорическое несогласие Гамильтона вызывает уже понимание предмета логики, провозглашённое Уэтли. Будучи верным кантианцем, он не может согласиться с производимой Уэтли подменой анализа законов мышления рассмотрением процесса рассуждения. В частности, он никак не может смириться с принижением роли других форм мышления: «В том, что д-р Уэтли делает процесс рассуждения не только главным, но адекватным объектом, мы видим весьма ограниченную концепцию этой науки... простые представления (*apprehension*) и суждения рассматриваются не сами по себе как конституентные элементы мышления, а как нечто, подчиненное аргументации. При таком понимании логика превращается в силлогистику». Он пытается намекнуть, что подобные взгляды оппонента объясняются тем, что тот банально не владеет материалом: «Это мнение разделялось некоторыми арабскими и латинскими схоластами, у них оно было заимствовано Оксфордским Крэкенторпом и воспринято Валлисом; а от Валлиса перешло к Уэтли. Но... это мнение отвергалось... громадным большинством даже перипатетических диалектиков. Уэтли не привёл ни одного довода, который бы заставил нас усомниться в нашем убеждении, что законы мышления, а не законы рассуждения образуют адекватный объект этой науки» [11. С. 136]. Подобные пространные исторические экскурсы с упоминанием множества мнений и описанием процесса их распространения и модификации от Аристотеля до современности автор рецензии предпринимает по поводу каждого разбираемого положения Уэтли, в дальнейшем мы не будем их приводить. Между делом он не преминул указать, что обзор истории логики у самого Уэтли – «тощий и не более чем воспроизводит нищету исторических познаний Олдрича» [11. С. 140].

Таким образом, критические аргументы Гамильтона сводятся, во-первых, к тому, что взгляды Уэтли не вписываются в философию Вольфа и Канта, которую эдинбургский профессор считал высшим достижением философии логики; во-вторых, Уэтли, в силу слабой эрудиции, отклоняется от «мэйнстрима» всемирно-исторического развития логики, либо следуя худшим образцам эпохи упадка логики, либо производя противоречивую «отсебятину». Следует признать, что с точки зрения предшествующей истории логики, критика Гамильтона справедлива. Ни Аристотель, ни средневековые схоласты, ни Вольф и Кант не рассматривали логику ни как «исследование операций рассуждения», ни как «занятую исключительно языком». Тем не менее именно эти аспекты логики Уэтли оказались созвучными новым тенденциям в развитии не только логики, но и исследований кембриджских алгебраистов. Поэтому с точки зрения последующей истории логики критика Гамильтона оказалась консервативной и неэффективной.

2.3. Дж.С. Милль: логика и язык

Помещение языка в фокус логических исследований закономерно привело к тому, что вопросы о связи лингвистических сущностей с предметом рассуждения стали неотъемлемой частью логики. Поэтому, хотя основания современной логической семантики заложены Готтлобом Фреге, концептуальный аппарат был вполне сформирован в трудах британских логиков

XIX века. Именно это в значительной мере объясняет, почему семантические идеи Фреге стали столь популярны именно в англоязычной философии.

Джон Стюарт Милль (1806–1873) вошёл в историю логики как адепт индуктивной методологии. Вместе с тем его основной труд «Система логики» (1843) состоит из двух томов, и только второй посвящён индуктивным методам. Первый же том рассматривает проблемы традиционной логики, и то, как Милль решал эти проблемы, позволило Уильяму Уэвеллу, соратнику и предшественнику Милля в развитии индуктивной методологии, заметить, что «Система логики» – произведение последователя Уэтли.

Действительно, в споре Уэтли и Гамильтона о предмете логики, т.е. занимается ли она рассуждением или формами мышления, взгляды Милля заметно ближе к первому. Больше того, Милль способствует тому, что рассуждение начинает пониматься более гибко. Если Уэтли и другие авторы ассоциировали рассуждение с категорическим силлогизмом, Милль намерен представить индуктивное умозаключение как другой способ рассуждения. Поэтому он предлагает более широкое толкование этого термина: «Рассуждать – значит выводить любое утверждение из утверждений, уже принятых» [12. С. 10]. По его мнению, в первую очередь «логика есть наука об операциях рассудка, служащих для оценки доказательств: наука о процессе восхождения от истин известных к неизвестным». Что касается других традиционных разделов логики, Милль предоставляет им право на существование в рамках этой науки с оговоркой: «Насколько они содействуют этому процессу» [12. С.18; 13. С.13].

Фактически Милль окончательно закрепил возрожденную Уэтли номиналистическую тенденцию, сделав лингвистические соображения фундаментальным атрибутом английской логической традиции XIX и даже XX века. Действительно, язык он связывает с существом логики заметно теснее, чем любой немецкий автор. Настолько тесно, что, например, Пётр Лавров, автор предисловия и комментариев к русскому изданию «Системы логики», не удержался от следующего примечания: «Несмотря на все достоинства книги Милля, нельзя не сознаться, что он иногда смешивает вещи, которых не смешает ни один немецкий писатель по логике, даже второстепенный. Так, во всем последующем, он смешивает грамматический элемент предложения с логическим элементом суждения. Употребляя постоянно одно и то же выражение (*proposition*), Милль, очевидно, имеет в виду то связь словесных форм мысли, то самую мысль»³ [13. С. 23].

Основная предпосылка теории именования Милля состоит в том, что имена предназначены для обозначения предметов, но не идей. Исходя из этого, он рассматривает виды имен на основе способа обозначения ими своих предметов (*signification*). При этом большинство дистинкций имеет достаточно традиционный характер. К немногим исключениям относится деление на абсолютные и коннотативные, на котором нельзя не остановить внимание.

³ Такое двусмысленное толкование термина «*proposition*» до сих пор сохраняется у многих англоязычных авторов. Более того, оно повлияло и на отечественную терминологию: термин «высказывание», будучи, по сути, калькой латинско-английского «*proposition*», понимается многими авторами как «предложение, взятое вместе со своим смыслом». Начало такому пониманию тоже положил Уэтли: «Высказывание (*proposition*) – это суждение, выраженное в словах» [9. С. 88]

Как таковое, это деление тоже не было изобретением Милля. Его проводил и Уэтли, который заимствовал это у Олдрича, его можно обнаружить в логике Пор-Рояля, у средневековых авторов-номиналистов. Однако до Милля эта классификация носила характер, производный от грамматики. Попросту говоря, имена существительные, как правило, объявлялись денотативными (или абсолютными), а имена прилагательные – коннотативными. Претензий на теорию значения в этом не содержалось.

Сначала Милль делит имена на коннотирующие и не-коннотирующие. Имена, не имеющие коннотации, указывают на предмет или качество непосредственно, не подразумевая при этом какого-либо атрибута обозначаемого предмета. Примерами таких имен могут служить «Иван», «Волга», «Англия». Коннотативные же имена не только обозначают предмет, но и подразумевают некий атрибут. Так, имя «белый» обозначает любой белый предмет, но при этом также подразумевает, или коннотирует, атрибут белизны. Коннотирующие имена могут прилагаться в качестве предикатов к любым предметам, именем которых они являются. Милль говорит, что такие имена имеют «два вида сигнификации»: имя «человек» прямо и непосредственно указывает на предметы, т.е. *денотирует* их, но косвенно подразумевает (*imply*), вовлекает те признаки, которые содержатся в понятии человека, т.е. *коннотирует* их.

К коннотативным относятся все общие конкретные имена. Абстрактные имена могут быть как денотативными (белизна), так и коннотативными (цвет). Единичные конкретные имена в этом отношении делятся на два вида: во-первых, имена собственные, которые не являются коннотативными. Они денотируют называемые имена, не подразумевая какого-либо атрибута. Второй вид имен представляет собой то, что после Б. Рассела стало называться «определенной дескрипцией» (сам Милль не присваивает им никакого отдельного наименования): это такие имена, как «первый римский император», «учитель Александра» и т.п. Эти единичные имена, в отличие от собственных, обладают как денотацией, так и коннотацией. Он описывает их как имена, обозначающие «свойство или совокупность свойств, которые, принадлежа исключительно одному предмету, связывают и ... имя с ним одним» [13. С. 41]. Среди них особый интерес представляют такие имена, в которых само содержание таково, что может существовать лишь один индивид, обладающий коннотируемым атрибутом [12. С. 142].

Невозможно не заметить, что денотат и коннотат Милля очень близко соответствуют фрегевским «Bedeutung» и «Sinn». Принципиальное различие состоит в том, что в теории Фреге существенным с точки зрения логики является предметная составляющая, значение, миллевская «денотация». Именно она обосновывает логические преобразования, осуществляемые над выражениями языка. Напротив, Милль именно в коннотативной составляющей видит сущность содержания имени. Не имеют коннотации только собственные имена, но последние, по убеждению автора «Системы логики», вовсе не имеют значения (*signification*). Во-первых, используя имена как средство коммуникации, мы передаем информацию именно об атрибутах; имена же, обладающие только денотацией, никакой информации не несут. Во-вторых, даже имея знание всех предметов, обозначаемых именем, мы не знаем содержания имени, ибо те же самые предметы могут обозначаться и другими именами.

Таким образом, «лингвистический крен», случившийся в «Элементах логики» Уэтли, стал практически парадигмальным для британской логической традиции. Подтверждение этому мы обнаруживаем в обеих наиболее влиятельных на островах версиях традиционной логики.

2.4. Кембридж: логика и математика

Теперь обратимся к тому, как этот лингвистический крен проявился в исследованиях кембриджских математиков. Как хорошо известно, в английской математике в предшествующий период преобладали алгебраические исследования. Это отличало её от континентальной математики, где все были увлечены математическим анализом. Своей кульминации это достигло в трудах членов «Аналитического общества», основанного в Кембридже в 1812 г., членами которого были Ч. Бэббидж, Дж. Пикок и Дж. Гершель. Своеобразным итогом этого движения стал «Трактат по алгебре» Пикока, вышедший в 1830 г. Пикок разделяет арифметическую и символическую алгебры. О последней он говорит: «Тот факт, что некая форма, будучи выражена общими символами, алгебраически эквивалентна другой, должен быть истинным, что бы ни обозначали эти символы»⁴ [14. С. 21]. Мысль, удивительно родственная тому, как характеризовал сущность логической формы Уэтли. Оксфордский логик и кембриджский математик демонстрируют одинаковое понимание природы соответственно логического вывода и алгебраического преобразования. В обоих случаях речь идёт о формальной структуре, значимость которой не зависит от того, какого рода сущности будут обозначаться элементами, заполняющими эту структуру. Таким образом, кембриджские алгебраисты ещё до Буля стали интерпретировать алгебру как науку о символах и правилах манипулирования ими.

Другой воспитанник кембриджской математической школы, Август Де Морган, тоже подхватывает идею Уэтли о том, что логика занимается рассуждением, уточняя в первом же предложении своего труда «Формальная логика» (1847), что логика имеет дело с той стороной рассуждения, которая зависит от способа формирования аргументов и от исследования принципов и правил построения аргументации. Как следствие, лишь в конце книги, в 12-й главе, названной «О старых логических терминах» и занимающей всего десять страниц, де Морган уделяет внимание традиционной проблематике, связанной с представлениями, суждениями, категориями, предикабиями, энтимемами и т.д. и т.п. Хотя он не следует за Уэтли в том, что «логика занимается исключительно языком», его разъяснения основных понятий и процессов логики делаются в лингвистическом контексте. Так, «логическая истина зависит от структуры предложения, но не от особой материи, о которой идёт речь» [15. С. 1].

Таким образом, уже к середине XIX в. в Британии, причём не только в философии, но и в математике, сформировалось понимание логики, отличное от германского. В логике виделась наука не о мышлении, но о рассуждении. Если поначалу известные виды рассуждений ограничивались аристоте-

⁴ «Whatever form is algebraically equivalent to another, when expressed in general symbols, must be true, whatever these symbols denote».

левским силлогизмом, то постепенно, благодаря Миллю, де Моргану, а затем и другим авторам, понятие рассуждения стало толковаться более широко. При этом логика характеризовалась как формальная не потому, что она занималась формами мышления, но потому, что она сосредоточивалась на форме языковых выражений, в которых реализуется рассуждение.

3. Логика и философия в Австрии

Австрийская философия XIX века сравнительно недавно стала предметом внимания исследователей истории философии. Что же касается австрийской логики, интерес к ней носит достаточно случайный характер. Нам известен лишь труд П. Саймонса [16], который представляет собой набор очерков, посвящённых различным проблемам и персонажам, связанным с австрийской логической традицией. На наш взгляд, последняя достойна самостоятельного рассмотрения, поскольку обладает очевидными признаками, отличающими её как от германской, так и от британской логических традиций.

3.1. Логические идеи Бернарда Больцано

Основоположником австрийской логико-философской традиции является Бернард Больцано (1781–1848). Его первые работы были посвящены геометрии, а именно, доказательству Евклидова постулата о параллельных. В ходе этой работы он пришёл к убеждению о неприемлемости взглядов Канта на природу логики и математики. Во-первых, математика, по его мнению, представляет собой аналитическое знание и состоит исключительно из понятийных истин. Поэтому она не нуждается для своего обоснования в наглядных представлениях. Во-вторых, при построении доказательств и системы математического знания в целом необходимо использовать более строгие логические методы. Эти убеждения ещё более усилились, когда он обратился к проблемам обоснования математического анализа. Однако формальная логика, на тот момент безоговорочно кантианская, не могла удовлетворительно служить этой цели, и в конце концов он приступил к разработке собственной системы логики, результатом чего и явился его фундаментальный 4-томный труд «Учение о науке» (*Wissenschaftslehre*, закончен в 1830 г., опубликован в 1837 г.).

Уже во введении он предлагает рассматривать «в качестве предмета логики предложения в себе, представления в себе и истины в себе» [17, Bd. 1. С. 63]. Под этими сущностями в себе Больцано понимает объективное содержание предложений и представлений, независимое от способа их выражения, от того, как мы их мыслим, оцениваем и мыслим ли мы их вообще. Предложение в себе – некоторое высказывание, независимо от того, истинное оно или ложное, выражено оно кем-нибудь в словах или не выражено, мыслится оно в душе или не мыслится. Предложения и представления в себе, в отличие от мыслимых предложений и представлений, являются объективными. Логика, по мнению Больцано, является формальной наукой, но не потому, что речь в ней идет о форме мышления, а потому, что она должна заниматься исследованием формы предложений в себе. Благодаря этому ло-

гика уже не может пониматься как беспредметное знание, а её характеристика как формальной не является приговором в непродуктивности.

Введение в логику идеальных сущностей не является единственным новаторством. Наряду с объективным представлением в себе Больцано выделяет предмет представления: «Под предметом представления я понимаю то (существующее или несуществующее нечто), о котором говорят, что оно *представляется*, или что имеется представление *о нём*» [17, Bd. 1, § 49]. При этом Больцано неоднократно подчеркивает, что предмет – это отдельная сущность, которую не следует путать с представлением в себе: «Следует строго различать представление в себе и предмет представления»; «объективное представление... можно назвать материей субъективного представления. При этом её не следует смешивать с предметом представления» [18. С. 277, § 271]. О принципиальной важности выделения предмета в иерархии сущностей Больцано свидетельствует, в частности, то, что он практически исключает из рассмотрения предложения, субъекты которых не обладают предметностью. Действительно, по его мнению, «если не у всех предложений, то, по крайней мере, у всех истинных должен иметься предмет, о котором идёт речь», а их субъект «должен быть предметным представлением» [18. С. 208, § 196].

Таким образом, Больцано впервые использует трёхчленную схему «(объективное) представление в себе – (субъективное) мыслимое представление – предмет представления», которая впоследствии в разных обликах и под разными именами появляется и в логике, и в психологии, и в феноменологии.

Невозможно обойти вниманием ещё одно новшество, вводимое Б. Больцано в свою логику. Действительно революционизирующим изобретением Больцано служит метод вариаций. Этот метод лежит в основе определения аналитичности и синтетичности предложений и, что особо важно, отношений выводимости и следования.

Принимая во внимание общераспространенную точку зрения о забвении учения Больцано вплоть до того, как Гуссерль привлёк внимание научного сообщества к его идеям, следует привести некоторые соображения относительно правомерности включения Больцано в австрийскую традицию. Ведь если о его наследии никто не знал, то как можно говорить о Больцано как основоположнике какой бы то ни было традиции? Дело в том, что в забвении пребывало имя Больцано, на упоминание коего официальными властями было наложено табу. Однако его идеи и взгляды продолжали оказывать влияние. Его ученики постепенно занимали ведущие высоты в академической жизни Дунайской монархии. Так, реформой образования в Австрии, вызванной к жизни революцией 1848 г., руководил один из друзей и единомышленников Больцано – Франц Экснер, а в 1851 г. кафедру философии в Вене возглавил ученик Больцано – Р. Циммерман. Последний, по всеобщему признанию, не отличался оригинальностью как мыслитель, но выполнил функцию генерального транслятора больцанизма. Он стал автором учебника логики для гимназий. И, что более существенно, интерес учеников Ф. Brentano к идеям Больцано был привит им не непосредственно научным руководителем, но именно Р. Циммерманом. Сам Brentano категорически не принимал каких-либо объективных идеальных сущностей и возлагал ответственность за больцанистский уклон некоторых своих учеников на Р. Циммермана.

3.2. Роберт Циммерман и появление теории предмета

Роберт Циммерман (1824–1898) был одним из последних учеников Бернарда Больцано. В ходе реформы образования в Австрийской монархии философия Гербарта получила статус официальной, а в учебную программу гимназий была введена дисциплина «Философская пропедевтика», состоявшая из двух частей: «Эмпирическая психология» и «Формальная логика». Учебник для этого предмета было поручено написать Р. Циммерману. Первая его часть вышла в 1852 г., вторая – в 1853 г. Именно в этом учебнике впервые появляется собственно теория предмета. Дело в том, что у Б. Больцано была скорее теория представлений в себе, характеризующих предметностью, т.е. представления делились на предметные и беспредметные. Причем последние, согласно его разъяснениям, могут быть случайно беспредметными (золотая гора) либо вообще беспредметными, или мнимыми (круглый квадрат) [17, Bd. 1. S. 297, 304–306]. Но он не пытается классифицировать предметы беспредметных представлений. Пожалуй, именно Циммерман впервые берётся за это на страницах второго тома «Пропедевтики». Предмет представления, говорит он, может быть действительным либо действительным; недействительный предмет является либо возможным, либо невозможным [19. S. 9]. Таким образом, именно Циммерман впервые предпринимает попытку каждому представлению (включая беспредметное!) поставить в соответствие предмет.

Второе издание пропедевтики (1860) претерпело существенные изменения. Многие больцановские темы и определения уступили место рассуждениям в духе Гербарта. Тем не менее теоретико-предметные соображения присутствуют и здесь. В частности, первые характеристики, различаемые им в понятии, – это, во-первых, его содержание (то, что в понятии мыслится), а во-вторых, его предмет (то, на что понятие указывает) [20. S.19]. Между содержанием и предметом нет ничего общего, кроме того, что предмет мыслится через содержание. Достойно упоминания также и то, что ни предмет понятия, ни его содержание, не взаимозаменяемы со словом, обозначающим понятие [20. S. 24]. Различение содержания и предмета представления, которое, как мы увидим ниже, оказалось очень живучим и использовалось довольно многими представителями школы Brentano, став одной из самых дискутируемых в этой школе проблем. Кроме того, нелишне заметить, что все эти различения проводились на страницах школьного учебника, соответственно, выпускники австрийских гимназий приходили в университеты, зачастую уже относясь к ним как к чему-то само собой разумеющемуся.

3.3. Франц Brentano

Следующим, принципиально важным этапом развития австрийской логико-философской традиции стало появление в Венском университете в 1874 г. Ф. Brentano. Вклад Ф. Brentano в философию редко ассоциируется с логическими исследованиями. Действительно, он не оставил ни одной работы, специально посвящённой логическим проблемам. Вместе с тем он отчётливо осознавал, что следствия его теории интенциональных актов сознания соз-

дают основания для пересмотра некоторых фундаментальных принципов традиционной Аристотелевой логики.

Принципиальное отличие Brentano от Bolzano в том, что, в отличие от трехуровневой онтологии второго, первый, скорее, предлагает двухуровневую психологию. Brentano категорически отвергал наличие сферы, которая соответствовала бы объективным предложениям и представлениям Bolzano. Он допускал лишь, что суждение действительно имеет содержание, неотделимое от самого акта – «имманентная объективность явления сознания». Но последняя, по его убеждению, ни в коем случае не должна пониматься как некая объективная сущность, обладающая самостоятельным бытием. Вместе с тем, как это ни удивительно, его убежденность в невозможности обойтись без предмета суждения, отличного от самого суждения и не содержащегося в нём, заставляет признать его представителем единой с Bolzano логико-философской традиции.

Brentano выделяет три рода психических феноменов: представление, суждение и любовь-ненависть. В первом нечто только представляется, в двух последующих осуществляется некое действие сознания по отношению к представленному предмету. В случае суждения мы признаём либо отвергаем существование представленного предмета, в случае любви-ненависти мы его хотим либо наоборот. Представление служит базисным психическим феноменом. Как говорит сам Brentano, «ничто не может быть желаемо, что не было до этого представлено»; «ничто не может стать предметом суждения, что не было до этого предметом представления». Таким образом, в случае двух последних актов предмет взят в сознании двояким способом: «как представленный и признанный истинным либо отвергаемый»; «как представленный и желаемый».

Первое. Существенным для суждения является несоединение двух терминов (представлений): соединяя субъект и предикат, мы просто получаем более сложное представление. Суждение же мы совершаем, когда признаём либо отвергаем наличие предмета, который в представлении только мыслится. Подтверждением этому служит возможность делать бессубъектные суждения и суждения существования. В обоих случаях мы имеем дело с полноценными суждениями, но состоящими только из одного термина (представления). Основываясь на прецеденте таких суждений, Brentano приходит к выводу, что для того, чтобы получить суждение, нет не только необходимости в соединении двух представлений; более того, подобное соединение не может быть и достаточным для достижения такой цели.

Второе. Отсюда непосредственно следует, что всякое суждение осуществляется либо как утверждение, либо как отрицание. Стало быть, утверждение и отрицание – два фундаментальных способа отношения сознания к предмету. Иначе говоря, качество суждения относится к самой его сути.

Третье. Суждения существования он рассматривает, в отличие от своих современников и предшественников, не как частный случай некоторого иного вида суждения, в котором грамматическая структура отклоняется от логической ради удобства выражения. Напротив, как раз они-то и дают нам суждения в подлинном виде. Поэтому, заключает Brentano, на самом деле любое иное суждение должно редуцироваться к экзистенциальному. Техника

приведения традиционных базисных суждений к экзистенциальной форме хорошо известна, и мы не будем её здесь воспроизводить. Заметим только, что частные суждения при такой редукции превращаются в утвердительные суждения существования, а общие – в отрицательные. Полученные суждения свободны от экзистенциальных предпосылок, а построенная на их основе теория силлогизма проста и изящна. В ней, вследствие отказа от субъектно-предикатной структуры, отсутствует деление на фигуры, и задаётся она всего двумя правилами инструментального характера.

Хотя брентановская классификация базисных суждений, основанная на предпосылке, что все суждения суть экзистенциальные, не прижилась даже в Австрии, некоторые его тезисы воспроизводились в курсах логики, созданных его учениками и определили специфику австрийской логики в отличие от немецкой или британской. В австрийских логиках говорилось не о трёх формах мышления – понятии, суждении и умозаключении, а о двух основных психических явлениях – представлении и суждении. Умозаключение, как правило, было разделом теории суждения, ибо с помощью его достигалась очевидность суждения.

Несмотря на отмеченные выше преимущества силлогистики, предложенной Brentano, в сравнении с традиционной она оказалась в густой тени более радикального прорыва, осуществленного Фреге всего через пять лет после появления «Психологии с эмпирической точки зрения». После развития фрегевских подходов Б. Расселом они стали парадигмой современной логики, в рамках которой идеи реформирования силлогистики просто потеряли актуальность. Как замечал П. Саймонс, логическая революция Brentano оказалась в тени революции Фреге, подобно тому, как революционность Керенского померкла на фоне революционности Ленина. Вместе с тем одно принципиальное отличие во взглядах Brentano и Больцано стало нервом одной из ключевых дискуссий в школе Brentano. Выделяя акт представления и предмет представления, Brentano категорически отвергал всякую третью сущность, подобную объективному представлению в себе Больцано или содержанию понятия Циммермана. Значительная группа его учеников, включая А. Гёфлера, К. Твардовского и Э. Гуссерля, в этом пункте не приняла учения мастера, к большому неудовольствию последнего.

3.4. Школа Brentano

Во второй половине 80-х гг. особенности австрийского стиля изложения логики получают окончательное оформление. Свидетельством этого может служить то, что методологические принципы Больцано, Циммермана и Brentano нашли воплощение не только в литературе эзотерического назначения, но и в имевшей широкое хождение, т.е. в учебниках. В качестве примера возьмем учебник логики для гимназий, подготовленный учеником Ф. Brentano Алоизом Хёфлером (1853–1922) в сотрудничестве с другим его учеником – А. фон Мейнонгом (в чём состояло это сотрудничество, нам установить не удалось). Обратим внимание на некоторые моменты, позволяющие говорить о специфике австрийской логики.

Учебник состоит из двух частей: «Элементарное учение» (соответствует чистой логике) и «Учение о методе». Последнее состоит из двух отделов:

«Эвристика» и «Систематика». В соответствии с принципами брентанизма, где есть два основных акта мышления – представление и суждение, – в элементарной логике имеется два раздела. В первом речь идёт о логических представлениях, это «учение о понятии». Во втором – о логических суждениях, это «учение об очевидности». Теория умозаключения становится подразделом теории суждения, поскольку в ней речь идёт об опосредованной очевидности.

Уже во введении подчеркивается момент, который мы выделили как принципиальный для австрийской логики, а именно – предмет: «Всякому акту представления и акту суждения соответствует нечто представляемое и нечто обсуждаемое или предмет представления и предмет суждения, называемые также объектом представления и объектом суждения». Предмет мышления (будь то представления или суждения) ни в коем случае не следует идентифицировать с его содержанием. Разным представлениям с разным содержанием может соответствовать один предмет, или, как выражается сам Хёфлер, «представления с различным содержанием могут относиться к одному и тому же предмету» [22. С. 4]. На этом необходимые различия не заканчиваются. Отдельное рассуждение посвящается необходимости избегать смешения знака и обозначаемого. Как следствие, «следует теперь всегда тщательно различать: 1. Вещи. 2. Представления. 3. Имена» [22. С. 7].

Если теория суждения навеивает сильные ассоциации с Брентано, то его рассуждения относительно умозаключений местами производят впечатление адаптированного изложения взглядов Больцано. В частности, совершенно в духе Больцано даётся определение основания и следствия. Суждение F есть следствие основания G в том случае, если мнение об истинности G несовместимо с мнением о ложности F . Следовательно, отношение между основанием и следствием есть особый вид отношения совместимости [22. С. 112 (§ 58)]. Поэтому выделяется два вида задач: отыскание следствий из основания (выведение или дедуцирование) и отыскание оснований для следствия (доказательство). Кроме того, с прямой ссылкой на Больцано проводится различие познавательного основания и реального основания. Обратим также внимание на понятие формальности. Понятия и суждения не характеризуются здесь как формы мышления (у Хёфлера это – фундаментальные психические явления). Термин «форма» в учебнике Хёфлера встречается только в выражении «форма вывода».

Особый интерес представляют многочисленные содержательные параллели между установками, принимавшимися в школе Брентано, и логическими взглядами Фреге. Более подробно это обсуждается в работе [23]. Здесь лишь кратко отметим основные моменты. Фрегевская теория суждения, изложенная в 1879 г., максимально родственна теории Брентано, изложенной в [21]. Во всяком случае, затруднительно найти других авторов, которые бы также безоговорочно отказывались от субъектно-предикатной структуры суждения. Жёсткое различие между понятием и предметом, которое Фреге начинает проводить в 1884 г., также характерно именно для школы Брентано и австрийской традиции в целом. Выделение в содержании имени двух составляющих – предметной и смысловой – проводится Фреге в 1892 г., вскоре

после того, как аналогичные различия, в других терминах, начали интенсивно развиваться в школе Brentano. В частности, Б. Керри, работу которого Фреге изучал, уже в 1885 г. указывал, что разным понятийным представлениям (в отличие от созерцательных) может соответствовать один и тот же предмет. Другой ученик Brentano, Ф. Марти, вероятность знакомства Фреге с работами которого очень высока, в 1884 г. утверждал, что между языковым выражением и его значением должно быть некое опосредующее звено. Причём этот посредник представляет собой способ задания предмета. Все эти наблюдения показывают, что особенности австрийского подхода к пониманию предмета логики имеют значение, выходящее за рамки простого исторического любопытства.

Таким образом, австрийская логическая традиция характеризуется следующими признаками:

- Логика, в типичном случае, строится как общая теория науки (Wissenschaftslehre);
- В рамках логики содержится, в том или ином виде, теория предмета;
- Логика теснейшим образом связана не с теорией познания (как в Германии) и не с теорией языка (как в Британии), но с онтологией;
- Более чёткая тематизация общей теории логического следования.

Литература

1. Кант И. Критика чистого разума // Собрание сочинений в 8 томах. М., 1994. Т.3.
2. Кант И. Логика. Пособие к лекциям // Иммануил Кант. Трактаты. СПб.: Наука, 2006.
3. Fries J.F. System der Logik. Heidelberg, 1811.
4. Herbart J.F. Hauptpunkte der Logik // Saemmtliche Werke. Leipzig, 1850. Bd. 1.
5. Herbart J.F. Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie // Saemmtliche Werke. Leipzig, 1850. Bd. 1.
6. Drobisch M.W. Neue Darstellung der Logik. 3 aufl., Leipzig, 1863 (1-е изд. 1836).
7. Trendelenburg A. Logische Untersuchungen. 2 aufl., Leipzig, 1862.
8. Aldrich H. Artis Logicae Compendium. Oxford, 1961.
9. Whately R. Elements of logic. From the 8th London ed. revised, N.Y., Harper & Brothers, 1855. 396 p.
10. Уэтли Р. Основания логики. СПб.: Изд. А.В. Заленского, 1873. 547 с.
11. Hamilton W. Logic. The recent English Treatises on that Science // Hamilton W. Discussions on Philosophy and Literature, Education and University reform. N.Y.: Harper & Brothers, 1861. P. 120–173.
12. Mill J.S. System of Logic, 8th ed. N.Y.: Harper & Brothers, 1882. 1156 p.
13. Милль Дж.С. Система логики, в двух томах. СПб.: Издание М.О. Вольфа, 1865. Т. 1. 553 с.
14. Grattan-Guinness I. The Search for Mathematical Roots, 1870–1940. Princeton UP, 2000. 690 p.
15. De Morgan A. Formal Logic, or the calculus of inference, necessary and probable. London: Taylor and Walton, 1847. 336 p.
16. Simons P. Philosophy and Logic in Central Europe from Bolzano to Tarski. Dordrecht, Boston, London: Kluwer AP, 1992.
17. Bolzano B. Wissenschaftslehre. Lpz, 1929–1931.
18. Больцано Б. Учение о науке. СПб., 2003.
19. Zimmerman R. Formale Logik (Philosophische Propädeutik für obere gymnasien. Zweite Abtheilung). Vienna, 1853.
20. Zimmerman R. Philosophische Propädeutik. Vienna, 1860.
21. Brentano F. Psychologie vom empirischen Standpunkt. Leipzig, 1911.
22. Höfler A., Meinong A. Philosophische Propädeutik. Erster Theil: Logik. Vienna, 1890.

23. *Chernoskutov Yu.Yu.* Logic and object theory in 19th century: from Bolzano to Frege» // Logical Investigations. Moscow, 2013. V.19. P. 10–22.

Chernoskutov Yury Yu. Saint-Petersburg state university (Saint-Petersburg, Russian Federation)

DOI 10.17223/1998863X/30/21

BASIC VIEWS ON THE SUBJECT OF LOGIC IN THE EUROPEAN PHILOSOPHY OF 19TH CENTURY

Keywords: formal logic, Kant, Whately, Bolzano, thought, language, object.

The development of formal logic in 19th century Europe is considered in the paper. The principal idea is that during this logic developed as three independent traditions: German, British and Austrian. The German tradition was definitely influenced by I. Kant. The (general pure) logic was considered here as a science of the form of thought, in abstraction from any object (content). J.F. Fries and J.F. Herbart proposed the most influential conceptions of the philosophy of logic. The former developed the anthropological (psychological) foundation for logic. The latter shifted the subject of logic from “thinking” to “thinkable”. His presuppositions were disclosed in details in the remarkable “Neue Darstellung der Logik” of his pupil M.W. Drobisch. A.Trendelenburg exposed the final commonly accepted view of the subject; he also coined the very term “formal logic”. The principles of the British traditions were laid down by R.Whately, and in fact that principles formed the paradigm of British tradition in the philosophy of logic. The logic was considered here as an inquiry of reasoning, and its formal character was explained by the fact that it deals with the form of language expression. Approaches of Whately were severely attacked by W. Hamilton, but his arguments, in spite of soundness, appeared to be ineffective. The development of this tradition is traced up to J.S. Mill and A. de Morgan. Mill has created the groundwork for future development of logical semantics by his theory of denotation and connotation. De Morgan has expanded the linguistic approach to logic on its algebraic handling. Both of them extended, in different ways, the conception of reasoning. B.Bolzano was the father-founder of the Austrian tradition. Logic was typically viewed here as a general theory of science (Wissenschaftslehre). Logic is formal because it deals with the form of objects and relations in general. The principal feature of the Austrian logical tradition consists in the fact that it included some kind the theory of object. It is pointed and demonstrated in the paper that the factual ‘inventor’ of the logical theory of object was R. Zimmerman, the student of Bolzano. The formation of the Austrian logical style was completed due to the school of Brentano. The specific features of the school are discussed on the instance of the A. Höfler’s “Logik”. The concluding part of the paper contains very short outline of the remarkable similarities between the ideas of Frege and principles, shared or discussed by the school of Brentano.

References

1. Kant, I. (1994) *Sobranie sochineniy v 8 tomakh* [Collected works in 8 vols.]. Vol. 3. Moscow.
2. Kant, I. (2006) *Traktaty* [Treatises]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka.
3. Fries, J.F. (1811) *System der Logik*. Heidelberg: C.F. Winter.
4. Herbart, J.F. (1850) *Saemmtliche Werke*. Leipzig: Voss. Book 1. pp. 466–478.
5. Herbart, J.F. (1850) *Saemmtliche Werke*. Leipzig: Voss. Book 1.
6. Drobisch, M.W. (1863) *Neue Darstellung der Logik*. Leipzig: Voss.
7. Trendelenburg, A. (1862) *Logische Untersuchungen*. Leipzig: Verlag von S. Hirzel.
8. Aldrich, H. (1861) *Artis Logicae Compendium*. Oxford.
9. Whately, R. (1855) *Elements of logic*. New York: Harper & Brothers.
10. Whately, R. (1873) *Osnovaniya logiki* [Foundations of logic]. Translated from English by A. Shimkov. St. Petersburg: A.V. Zalsensky.
11. Hamilton, W. (1861) *Discussions on Philosophy and Literature, Education and University reform*. New York: Harper & Brothers. pp. 120–173.
12. Mill, J.S. (1882) *System of Logic*. New York: Harper & Brothers.
13. Mill, J.S. (1865) *Sistema logiki, v dvukh tomakh* [System of Logic]. Translated from English. Vol. 1. St. Petersburg: M.O. Wolf.
14. Grattan-Guinness, I. (2000) *The Search for Mathematical Roots, 1870–1940*. Princeton University Press.
15. De Morgan, A. (1847) *Formal Logic, or the calculus of inference, necessary and probable*. London: Taylor and Walton.

16. Simons, P. (1992) *Philosophy and Logic in Central Europe from Bolzano to Tarski*. Dordrecht, Boston, London: Kluwer AP.
17. Bolzano, B. (1929–1931) *Wissenschaftslehre*. Leipzig.
18. Bolzano, B. (2003) *Uchenie o nauke* [The doctrine of science]. Translated from German by B. Fyodorov. St. Petersburg: Nauka.
19. Zimmerman, R. (1853) *Formale Logik (Philosophische Propädeutik für obere Gymnasien)*. Vienna.
20. Zimmerman, R. (1860) *Philosophische Propädeutik*. Vienna.
21. Brentano, F. (1911) *Psychologie vom empirischen Standpunkt*. Leipzig.
22. Höfler, A. & Meinong, A. (1890) *Philosophische Propädeutik. Erster Theil: Logik*. Vienna.
23. Chernoskutov, Yu.Yu. (2013) Logic and object theory in 19th century: from Bolzano to Frege. *Logical Investigations*. 19. pp. 10–22.